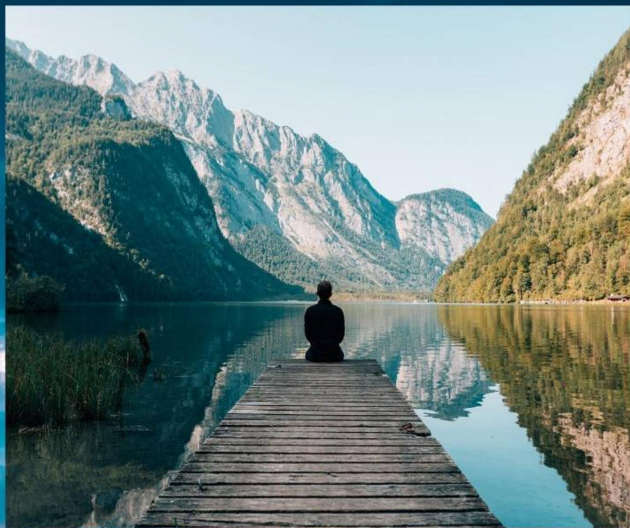

ВАЛЕРИЙ МУССАЕВ

Сухумские
хроники.

О людях и судьбах

Валерий Муссаев

Сухумские хроники.

<https://litres.ru/73988028>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этот сборник вошли рассказы о моих поездках и впечатлениях о прекрасной " Стране Души", а главное о знакомстве и беседах с её замечательными людьми, которые несмотря ни на что верят в светлое завтра для всех нас.

Валерий Муссаев

Сухумские хроники.

Посвящается моему близкому другу и замечательному человеку

Александру Александровичу Небадзе.

Вступление

Я очень долго не решался приступить к написанию данного повествования — что-то меня постоянно удерживало от этого. Возможно, потому, что часть людей, о которых пойдёт речь, ещё живы или наоборот, некоторых уже нет в живых, и даже незначительное изменение некоторых фактов и подача их в виде своего взгляда на эти события были бы несколько некорректны по отношению к ним. Но по прошествии времени я начал понимать, что, вскоре, в силу возраста, уйдут и последние свидетели тех событий начала 90-х годов, когда прекратил своё существование как государство не только Советский Союз, но и ряд так называемых микроцивилизаций, одной из которых была Сухумская. Поэтому я, оставляя суть событий так, как мне они были изложены, слегка добавил художественного — нет, не вымысла — okayмления и смысловой законченности. Да простят меня за данное литературное «самоуправство» эти замечательные люди...

Исчезнувшие цивилизации

Сухум. Вид с подъездной дороги. Личное фото

Так сложилось, что, будучи в Абхазии в период признания её независимости по работе, я познакомился и подружился с одним замечательным человеком значительно старше меня по возрасту, впоследствии ставшим мне родным и духов-

но. Так сложилось, что мы с ним с нашего первого знакомства нашли общий язык и вели беседу на равных, по крайней мере я так думаю и продолжаю в это верить. Причём, если учесть, что он по национальности грузин, а я осетин, то в наше время такой дружеский тандем может вызывать у многих горе-патриотов некоторое недоумение, но не его не меня национальные вопросы особо не интересовали, поэтому мы просто получали удовольствие от нашего общения.

Как-то раз, прогуливаясь вдоль знаменитой сухумской набережной Махаджиров, мой собеседник грустно заметил, что люди, гуляющие здесь, уже не те, пропал тот дух Сухума, что был ранее, включая советский период. На что я ответил:

— Это, наверное, у Вас возрастное. Все с возрастом относятся к более молодому поколению скептически, считая его циничным, неприспособленным к жизни и менее человечным и гуманным.

— Вы не правы, — заметил он.

К слову сказать, будучи старше меня на тридцать лет, он всегда говорил мне только «Вы» и обращался по имени-отчеству, впрочем, как и ко всем остальным собеседникам, он был так воспитан, и иная форма была для него неким моветоном.

— Я не в претензии к нынешнему поколению, — продолжил он. — И тоже был молодым, и слышал упрёки от более старших, что мы другие, не такие, как они. Я веду речь о той ауре, которая царила в воздухе Сухума, когда каждый вечер

на набережную выходил практически весь город и все друг друга знали, а при встрече здоровались или раскланивались как добрые друзья. И тогда никого не волновало, сколько у тебя денег, какую должность ты занимаешь, а главное, какой ты национальности.

Тогда от него я впервые и услышал теорию об исчезнувших микроцивилизациях после распада СССР.

— Они своими неумными действиями, — глядя далеко вдаль, в сторону моря, произнёс он, — погубили несколько цивилизаций.

— Каких? — недоумённо спросил я.

— Как каких, мою сухумскую, затем бакинскую и, наконец, одесскую. И это только те, которые на слуху у всех, а сколько мест, где люди разных национальностей жили вместе одной семьёй и одним общим домом было стёрто с карты, той, огромной страны. Ведь люди, жившие в этих городах, были единым целым народом, были единой нацией с единым языком и традициями. И назывались они сухумчане, бакинцы и одесситы. Скажите, где они сейчас? Да, некоторые люди остались доживать свой век, но большинство или были вынуждены уехать, или умерли, причём раньше времени, не выдержав всего того, что творилось в 90-е годы, да и творится сейчас.

Я был несколько шокирован услышанным, ноги стали чуть ватными, а тело по какой-то причине отказывалось двигаться дальше. С такой болью всё это было произнесено, как

будто каждое слово его многочисленными иголками врезалось в мой мозг.

«А ведь он тысячу раз прав», — подумал я и вспомнил следующие события. Я в Одессе был один раз, и то проездом в школьном возрасте, поэтому про одесскую цивилизацию сказать ничего не могу. Зато, будучи уже в довольно зрелом возрасте, был в Баку. Первый раз вспоминать не хочется — это был январь 1990 года, когда меня и ряд офицеров перекинули из Таджикистана для наведения порядка, и я видел только город в огне и лютую ненависть друг к другу людей, живших десятилетиями одной семьёй. Тогда я и несколько офицеров со мной покинули этот город и не стали принимать участие в этой трагедии, вернувшись обратно в свою часть, а вскоре и вовсе уволились из рядов ВС СССР. Это была не функция армии, разбираться со своим народом, на это есть и были силы правопорядка, которые тоже тогда бросили на подавление своих же сограждан. Но речь не об этом. Спустя много лет по приглашению своего друга по военному училищу я прилетел в Баку, столицу уже независимого Азербайджана. Поздно вечером, гуляя по бакинской набережной, мы зашли в одно из многочисленных кафе. Было, несмотря на позднюю пору, довольно многолюдно, а некоторые и вовсе гуляли с малышами. Разместившись за столиком и сделав заказ, мы с Расимом — а так зовут моего друга — присоединились к остальным для просмотра матча чемпионата Европы по футболу 2012 года. Играли сборная России и сборная

Греции решающий матч за выход из группы. И самое смешное: хозяин кафе был греком и, соответственно, узнав, что я из России, попросил его не бить и ничего не громить, если греки выиграют. Естественно, в шутку. Немного погодя в кафе зашли несколько ребят лет двадцати пяти тридцати, разместились за соседним столиком и начали громко на азербайджанском языке обсуждать что-то, может, матч, а может, девушек. Не суть...

Тогда хозяин кафе подошёл к ним и вежливо попросил перейти на русский язык, аргументировав это тем, что в его заведении находятся люди и других национальностей, и не всем понятен их язык. Один из молодых людей возмутился, что они находятся у себя дома в Азербайджане и говорят на родном языке, а кому не нравится, пусть не слушают или вообще уходят отсюда. В это момент из угла поднялись два пожилых азербайджанца и спокойным голосом им сказали, что они вольны говорить на своём языке где угодно, но только не в Баку. Бакинский исторический язык всегда был русский и, пока живо старшее поколение, таковым и останется, а молодые люди сейчас или извинятся и перейдут на него, или покинут заведение. Не знаю, что это были за пожилые бакинцы, но ребята как-то вдруг съёжились, слегка побледнели и спешно ретировались из кафе. Я тогда этому был несколько удивлён, но, послушав своего сухумского друга теперь, расставил всё по местам. Кстати, наши сыграли вничью и вылетели из группы, а мы с хозяином кафе по этому случаю вы-

пил, естественно, каждый по своему поводу.

«Как мой абхазский друг прав», — подумал я. Ведь действительно, мы все жили одной дружной семьёй. Не везде, конечно, но ведь были города, где люди многих национальностей жили веками вместе и никогда не делили друг друга по вере, языку, обычаям. Не тыкали пальцем типа вон идёт тот, другой национальности, и он нас богаче или беднее, лучше или хуже, и всё потому, что другой национальности. Я уже как-то писал, что, будучи кавказцем, вырос в небольшом уральском городке и с ясельного возраста отличался от своих сверстников, может, только внешне, а коллеги моих родителей знали, откуда они, и это не мешало ходить друг к другу в гости, гулять вечерами по городу, в общем, дружить, кстати, и по сей день. Что случилось с людьми, почему в одночасье все вдруг вспомнили о своей национальной принадлежности, стали вдруг злыми и винить во всех неудачах своего соседа, только потому, что он другой национальности или вероисповедания? Куда всё пропало? Какой вирус занесли в головы этих людей? Я не верю, что вдруг многие одномоментно превратились из людей в животных, не может этого быть... Но ведь произошло...

Этот же вопрос я задал своему собеседнику, надеясь получить хоть какой-то намёк на истину, но он только грустно покачал своей седой головой, развёл руками и сказал:

— Я знаю, что так не должно было случиться, но случилось...

Дальше мы продолжили путь молча, каждый был погружён в свои невесёлые думы...

Аргентинские лимоны.

Лимонное дерево. Фото Pixabay

Ни для кого не секрет, что Абхазия помимо великолепной природы, чистого воздуха и до невозможности голубого моря в солнечную погоду также славится и своими исторически сложившимися торговыми брендами. Это, естественно, ранней весной мимозы — их всегда в советское время как раз к 8 Марта выращивали и отправляли в подарок нашим любимым женщинам, ну и, конечно, абхазские мандарины. Какой Новый год обходился без них? Именно наименование абхазские, а не грузинские, да простят меня грузины, которых я любил и люблю как братьев до сих пор, было в обиходе жителей нашей когда-то огромной страны. Разумеется, в одно из посещений Сухума я спросил у своего старшего друга, где можно приобрести их. Может, кто-то из его друзей выращивает на продажу? Вопрос был с подвохом. Я видел, что это уже довольно немолодой человек, занимающий один из руководящих постов в правительстве Абхазии (подчёркиваю, что он был этническим грузином, но его так любили и уважали в республике, что, несмотря ни на что, доверяли должности при правительстве, несмотря на многочисленные пере-

становки по смене премьеров в Республике). Так вот он, помимо прочего, не забывал и про своих друзей путём привлечения их на работу в своё управление. Как таковой помощи от них не было, но главное, что кроме мизерной пенсии они получали зарплату в пределах полутора тысяч рублей, что было немаловажно, чувствовали себя нужными и при деле. Было иногда любопытно наблюдать за тем, как они общаются, причём люди возраста далеко за семьдесят лет друг друга называли, как и в детстве, по уменьшительно-ласкательным именам: Шурик, Борик, Зурик и т. д. Допустим, если кто-то шёл в уборную, находящуюся на первом этаже здания №3 кабинета министров, то перед этим вежливо стучался в соседний кабинет и с лёгким прищуром спрашивал:

— Не желаете со мной? Приглашаю...

Или у моего друга работал товарищ, который, достигнув семидесятипятилетия, так ни разу не был женат, и все, кто проходил мимо его кабинета, спрашивали: «Борик, ты ещё не женился?»

Тот спокойно и привычно отвечал, что пока нет, выбирает. Тогда следовало сразу уже, наверное, многолетнее пожелание:

— Ты с этим делом не торопись, можно обжечься.

И все весело, не побоюсь добавить по-мальчишески задорно, смеялись.

Это был только им доступный своей универсальностью юмор, только они могли так уметь посмеяться над собой и

другими, что любой сарказм воспринимался в виде любви и заботы о ближнем. К сожалению, и этого замечательного человека уже нет в живых, но я всегда с теплотой вспоминаю, как всякий раз в моё посещение он настойчиво требовал, чтобы я с ним обязательно выпил его домашней чачи, сделанной только по его рецепту, и другой такой нет в целом свете. А когда я умоляюще, зная, чем закончится дегустация, смотрел на своего друга, тот только разводил руками и говорил, чтобы я лучше соглашался — всё равно не отстанет. И я, обречённо опустив голову, следовал к столу Бориса, где уже стояли стаканы, бутылка и нехитрая закуска...

Задав вопрос о мандаринах, я рассчитывал, что это будет кто-то уже из знакомых мне людей, но оказалось всё иначе... Приехав на следующей неделе в Сухум и зайдя к своему другу, я обнаружил в его кабинете мешок, по виду напоминавший мешок с картошкой. Я же с Урала, а там в мешках может только она и быть. Но это были мандарины. Подав его мне, Александр Александрович (именно так зовут моего друга, а теперь ещё крестника, но об этом позже) сказал, что это ещё не всё, и, открыв дверцу своего стола, достал два предмета, по виду издали напоминавших небольшие дыни медовки. Приблизившись, я с удивлением обнаружил, что это лимоны. Да-да, именно лимоны размером и формой с небольшой мяч для регби. На вопрос, откуда сие чудо, он ответил, что это аргентинские лимоны, и его товарищ их давно выращивает. Рассматривая эти необычные фрукты, я спросил, сколько

должен за всё, и полез в карман за деньгами. На что получил категоричный ответ, что это подарок и, соответственно, бесплатно. Теперь уже я был категоричен: во-первых, срывался мой изначальный план помочь деньгами, во-вторых, для подарка было слишком много, и я чувствовал себя весьма некомфортно. Как будто я обманул кого или воспользовался гостеприимством в корыстных для себя целях. В общем, на душе было как-то гадко...

— Хорошо, — сказал я, — раз Вы не берёте деньги, то я сам ему их подам, отвезите меня к нему.

Сан Саныч — это я его так про себя называю — развёл руками и велел следовать за ним. По дороге я начал расспрашивать, что это за человек, к которому едем, и кем он раньше был. В ответ услышал следующий рассказ. В своё время Сухум был поделён самими жителями на районы, которые имели названия по их национальной заселённости в определённые временные периоды развития города. Были русские, мингрельские, еврейские, греческие, армянские и даже эстонские кварталы. Так вот, мы ехали в бывший еврейский квартал, где этот человек много лет проработал участковым, затем вышел на пенсию и жил вдвоём со своей женой. Во время грузинско-абхазского конфликта в 1992—93 годах, когда город бомбили и с воздуха, и с дальней артиллерии, его супруга этого всего эмоционально не выдержала и стала сперва слегка заговариваться, а потом всё забывать и не помнить, кто её окружает. Я не знаю, что это за заболе-

вание, да и ни к чему это, но в настоящее время на каждый громкий звук она испуганно бежала и пряталась, думая, что это опять летят бомбить. Её муж все эти годы за ней ухаживал, практически не выходя из дома, боясь, что она что-нибудь натворит, — такое было не раз в виде попыток вскипятить воду в хрустальной вазе на электрической плитке. Дочка их жила где-то в России и как я понял, особо о родителях не вспоминала. Кавказцы тоже бывают разные, особенно нынешнее поколение. После услышанного у меня ком к горлу подкатил, и я ещё с более решительным настроем во что бы то ни стало помочь этим людям. В конце концов, он же продаёт свой урожай, получая небольшое дополнение к своей мизерной пенсии, ну вот я и есть покупатель. Какой же я наивный был очередной раз... Приехав на место, мой спутник сказал, что по причине болезни жены его товарища тот никого в дом не пускает, поэтому пройдем во двор, и он сам с ним поговорит при мне. Я подал Сан Санычу деньги, и мы зашли в довольно-таки обширный и ухоженный двор с фруктовыми деревьями, где чуть поодаль стоял небольшой дом с саклей. Навстречу вышел высокий старик с небольшой бородой и поздоровался со мной за руку, моему спутнику, слегка улыбнувшись, кивнул. Я начал было разговор о том, что спасибо за мандарины и что я хотел бы ему заплатить за них, потому что всё равно мне их приобретать на рынке за деньги, так какая разница, и мой друг протянул ему деньги. Старик посмотрел на меня внимательно, потом на Сан Саны-

ча и потом вежливо спросил меня, не могу ли я подождать за воротами, пока они переговаривают наедине. Пожав плечами и видя, что вести разговоры здесь абсолютно бесполезно, я направился обратно к машине. Со двора донеслась речь слегка на повышенных тонах. Спустя некоторое время вышел и Сан Саныч и молча подал мне деньги. На мой вопрос: «Почему?» он ответил другим вопросом: «Разве, когда от чистого сердца, нужны деньги?»

Здесь как бы поставить точку в повествовании, но жизнь зачастую преподносит всё новые казусы, и рассказ был бы неполным, не освети я дальнейшее развитие событий. В очередное моё посещение я твёрдо решил, что мои попытки залезть со своим уставом в чужой монастырь абсолютно беспочвенны, и за день до отъезда просто сходил на местный центральный рынок и купил мандарины, лимоны и вашингтоны (сладкие апельсины без косточек), отвёз к себе в номер и успокоился. А зря... На следующий день я заехал к своему другу в министерство, поднялся на четвёртый этаж, вошёл в кабинет и застыл, как восковая фигура музея мадам Тюссо. На столе у Сан Саныча лежали те же аргентинские лимоны, а в углу стоял мешок с мандаринами... Я, видно, несильно мог говорить в тот момент, или с лицом было что-то не так, поэтому услышал следующее:

— Мой товарищ видел Вас вчера на рынке и попросил более этого не делать. Закончатся у него фрукты — возьмёт у соседей, но больше ставить его в неудобное положение не

стоит...

Набрать воздуха в грудь и что-то возразить мне просто не хватило сил. Молча забрав всё приготовленное для меня и тепло попрощавшись с Сан Санычем, я отбыл в направлении Сочи, дав себе обещание фрукты покупать только на трассе и вдали от Сухума.

Эта история закончилась грустно и трагично: спустя примерно три года я поинтересовался о судьбе этого удивительного человека с еврейского квартала, которого звали Игорь, а отчество, к сожалению, я не уточнил, и мне поведали следующее. У его жены был очередной приступ, а денег не было даже на еду. Он как мог за ней ухаживал, но спустя некоторое время она умерла. У него не было сил подняться и позвать кого-нибудь на помощь, а может, просто не видел смысла в своём дальнейшем существовании. Их так и нашли соседи на третий день: она лежала на кровати, а он сидел рядом, держа её за руку, уронив голову рядом на подушку. Врачи поставили диагноз «истощение и смерть от голода»... Спустя неделю появилась их дочь и предъявила права на дом...

Моя абхазская бабушка, или Вкус аджики

Photo by [Markus Spiske temporaisch.com](https://www.pexels.com/photo/Markus-Spiske-temporaisch.com) from [Pexels](https://www.pexels.com/)

Если вы посчитали, что Абхазия из продуктовых брендов славится только мандаринами и винами (которых в реальности там практически нет в промышленном производстве из-за отсутствия своего виноматериала, а привозной из Молдовы и Болгарии не в счёт) или мимозами, то смею вас разочаровать — там есть ещё одна вещь, которую вы не найдёте нигде в мире. Это знаменитая абхазская аджика. «Фи, — скривите рот вы, — ну нашёл в наше время, чем удивить, сейчас в каждом магазине этих аджик полно, а ещё и соусы и кетчупы, а он нам рассказывает про что-то архаичное, да ещё и в превосходной степени». Успокойтесь, дорогие скептики, я не претендую на роль истины в последней инстанции. Соус так соус, разнообразие выбора аджик — не вопрос. Я вам говорю: она есть такая только одна во всём мире, и самую вкусную и ароматную делает моя бабушка Римма из Сухума...

Какой русский не любит быстрой езды, так же и какой кавказец не любит острые блюда... Естественно, при моём первом посещении Абхазии и после знакомства с Сан Санычем я не преминул задать ему вопрос о том, где и у кого приобрести данное лакомство. В тот день он был занят, поэтому, указав рукой мне в сторону Центрального рынка, сказал, что найдёшь там Леду — у неё самая лучшая аджика во всей

Абхазии, ну и мире, разумеется. Моросил небольшой дождик, было слегка промозгло, то есть как раз погода для того, чтобы купить аджики, сыра, зелени, копчёного мяса по-абхазски, конечно, вина и где-нибудь потом в тепле всё это употребить. Спустя некоторое время я ступил на территорию местного рынка. Вообще, у меня есть привычка, приезжая куда-нибудь в новое место, первым делом идти на местный базар, где по внешнему виду и состоянию дел на нём делать выводы об обстановке в населённом пункте в целом. По каким признакам, спросите вы? Не знаю, как объяснить, но что-то витает в воздухе на рынке, что передаёт атмосферу жизни и нерв самого города. Это тест не для психиатра, не думайте, это моё личное, оно внутри меня. Так вот, рынок Сухума был в то время как раз тем мерилом общественной жизни, в котором пребывала республика, только-только получив независимость. Всё было в печальном состоянии, полуразрушено, грязно, тесно, с запахами гнили и нагромождением самодельных лотков и прилавков, в общем — всё это выглядело весьма мерзко. Поняв, что шансы мои найти нужную женщину практически равны нулю, я решил купить первую попавшуюся, а завтра со своим новым другом прийти, и он мне покажет эту знаменитую мастерицу аджики по имени Леда. И с радостным настроением от решённой задачи я направился обратно в сторону выхода, но почему-то пошёл не к центральному выходу, а попёрся по грязи к дороге на соседнюю улицу. И тут я заметил какое-то странное со-

оружие, очевидно, исполнявшее роль прилавка довольно неопределённой формы, полностью ржавое, с остатками когда-то белой краски, отрихтованное не раз как в одну, так и другую сторону и накрытое от дождя какой-то дырявой рогожей. Но самым необычным был не сам лоток, а кто за ним находился, то есть продавщица. Как бы вам описать моё первое внешнее впечатление от этой очень немолодой женщины, а попросту — глубокой старухи... Я, наверное, такой и представлял старуху Изергиль, когда читал в детстве Максима Горького. Она была точь-в-точь как в том романе, в каких-то старых одеждах, с худым и изборождённым морщинами лицом, на котором выделялся огромный нос, а руки были очень тёмные и все, как паутиной, усеяны синими очень вздутыми венами. Довершал данный открывшийся мне вид зонтик чёрного цвета, ткань которого держалась всего на трёх спицах, и поэтому он был практически бесполезен от дождя. На самом прилавке в каком-то беспорядочном и хаотичном порядке, ведомом только ей самой, был выставлен товар. Не знаю, какая сила меня потянула к этой торговой точке, но, сделав несколько шагов по направлению к ней, я остановился и начал рассматривать выставленные предметы для продажи. И первое, что я увидел, а скорее, почувствовал (какой-то невероятно ароматный и доселе неизвестный мне запах), была аджика. Да, та самая, какой я и представлял её: тёмно-красная, с остро-пьянящим запахом и чарующе манящая. Помимо аджики, причём двух цветов — красная и зелё-

ная (о второй я вообще не подозревал, что такая существует в природе), на прилавке лежали пастила нескольких видов, разнообразные специи, чурчхела и чача в пятилитровой ёмкости тёмного цвета. Осторожно спросил продавщицу, разрешит ли она попробовать её товар, в частности аджику, и, получив утвердительный ответ, осторожно подцепил кончиком пальца с краю пластикового ведёрка самую малость и отправил в рот. Вначале был просто вкус острой приправы, но потом, спустя мгновение, наступило послевкусие, и мой мозг среагировал на это взрывом сразу миллионов невидимых рецепторов, в которых ощущался и острый перец, и томаты, и мускатный орех, и ещё что-то неведомое мне, и всё это постепенно перешло куда-то по телу вниз, ближе к желудку. Вдруг стало как-то очень тепло и хорошо, организм словно получил какой-то полезный витамин, так ранее нужный ему. Я, поверьте, даже не поинтересовался ценой — она была неважна, потому что это было то, что я искал. Купив всё ведёрко, я также приобрёл пастилу к чаю, взял на пробу зелёной аджики — пробовать я не рискнул, узнал только, что она на мяте, и, естественно, не мог себе отказать в удовольствии снять пробу с инжирной чачи. Женщина, пристально понаблюдав за мной, неожиданно довольно хриплым голосом поинтересовалась, откуда я прибыл и что делаю в Абхазии. Скрывать мне было нечего, я ответил, что работаю в строительной сфере, а сам прибыл из Новороссийска для создания совместного предприятия по своему профильному

направлению. Она, ещё немного подумав, опять спросила:

— Так откуда ты действительно приехал?

Я слегка опешил и повторил:

— Я же сказал, что из Новороссийска...

Пробурчав себе под нос что-то типа «ну-ну» и выдав мне вместо сдачи пол-литровую бутылку чачи и пакетик с какой-то приправой для супа, начала своим колючим взглядом высматривать других покупателей, потеряв всякий интерес ко мне. На следующий день, распрощавшись с Сан Санычем, я отправился обратно к месту своего постоянного жительства, то есть в Краснодарский край город-герой Новороссийск. По приезду домой я на один из пикников с друзьями взял небольшую баночку этого острого лакомства, чтобы угостить одного своего старшего товарища, который очень гордился собой на подобных мероприятиях тем, что может съесть острый перец прямо так, срывая его с грядки, и не только большой стручковый, но и маленький, который рос у него на окне в конторе. Подав ему привезённый презент, я предупредил о его свойствах не для всех желудков. На что он рассмеялся и сказал, что я сочиняю. Так сложилось в нашей компании, что всех национальностей было поровну, он с товарищами был грек, были ещё армяне, но те держались скромно и в споры не вступали, обычно смотрели на это со стороны. Я же был со стороны осетин, и мы постоянно за столом подкалывали греков, а те, в свою очередь, нас. Когда мясо было, готово и водка разлита по рюмкам, я не удержался и предло-

жил попробовать аджику товарищу ложкой прямо из банки. Я знал, как сыграть при всех на гордыне оппонента. Василий Николаевич, это его было имя, достал демонстративно большую ложку, зачерпнул и отправил в рот. Наступила пауза, стороны ждали противоположного эффекта, и он наступил несколько секунд спустя.

С криком: «Б...ь, смерти моей хочешь?» Василий Николаевич пулей вылетел из помещения на улицу. Дальше события развивались стремительно. Ловя ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег, он на бегу схватил минеральную воду с газом. Естественно, произошла реакция смешивания газов с перцем, и ничего хорошего это не дало. Затем он пытался что-нибудь съесть и запить водкой — бесполезно. И только спустя полчаса он начал приходить в себя, будучи весь красный и периодически мотая головой из стороны в сторону.

Я, честно говоря, думал, он меня сейчас приберёт, но, отдышавшись, он посмотрел в мою сторону, сказал:

— Любые деньги, но ты мне должен привезти этот замечательный продукт, и желательно много.

Вторая подобная история случилась много позже, когда я работал в Иркутской области на освоении Ковыктинского газоконденсатного месторождения. В тех краях, особенно непосредственно в самой тайге, живут люди, несколько отличающиеся от нас, современных. Они ещё те, настоящие, которые не терпят компромиссов современной жизни. Это я к тому, что довольно долго находил общий язык с мест-

ным населением, зато, когда мы нашли точки соприкосновения и поближе узнали друг друга, стали если и не друзьями, то уж добрыми приятелями точно. А это в тех краях дорогого стоит. Особенно я подружился с главой районного центра Жигалово Федоровским Игорем Николаевичем. Он-то мне и похвастался за очередным общим застольем своей домашней сибирской аджикой. На это я вежливо ответил, что в свою очередь угощу его своей, абхазской, и пусть сравнит. Видя скептицизм на его лице, я не стал переубеждать и, ещё раз пообещав угостить, закрыл временно эту тему. Где-то через две недели, съездив по делам в Иркутск, где у меня была съёмная квартира, я прихватил из своих стратегических запасов небольшую баночку аджики и на следующее утро выдвинулся обратно на месторождение. По дороге заехав в Жигалово в контору к главе, обнаружил, что его нет на месте, поэтому свой «сувенир» передал через секретаря. На следующий день в районе обеда мне позвонили на участок и сказали, что меня срочно разыскивает Игорь Николаевич. Я дал команду, чтобы его провели в столовую в мой отдельный ВИП-зал и угостили чем-нибудь, пока я добираюсь до нашего временного жилого городка. Войдя в столовую, я увидел Игоря Николаевича, сидевшего за столом, на котором лежала нога изюбра, местные помидоры и стояла бутылка с настойкой из кедровых орехов.

— Ну ты меня вчера убил, — басом, без всякого «здравствуйте» прогрохотал он своим мощным голосом.

— Что так? — делая вид, что не понимаю, о чём он говорит, спросил я.

— Как — что? — опешил он.

— Я вчера пришёл домой, сел за стол вечерять, и тут мне супруга подаёт твой гостинец. Я, естественно, полный иронии насчёт твоего хвалёного продукта, зачерпнул ложкой и намазал на хлеб, как масло. Только откусил и едва начал жевать, как вдруг возникло такое чувство, будто меня толстой доской ударили по затылку со всей силы. Я потом час в себя не мог прийти. Короче говоря, так передай своей абхазской бабушке: сто лет жизни, и в следующий раз привези мне этого чудного продукта.

Теперь и в отдалённых районах Сибири знают, что есть такая чудесная бабушка Римма, а именно так как оказалось звали ту женщину, которую я увидел тем непогожим днём и которая готовит самую лучшую аджику в мире.

Так начались мои более частые встречи с этой удивительной женщиной. Каждый раз покупая себе или кому-нибудь под заказ аджику, мы с ней перекидывались немногими словами. И я стал замечать, что когда вновь появлялся на рынке и шёл к ней, соседки по прилавкам сообщали о моём приходе, и она, вытягивая свою худую и морщинистую шею, высматривала меня, а когда подходил, — вся светилась от радости. Наступил тот момент, когда моя работа в Абхазии закончилась, и я по своей работе в срочном порядке должен был улететь в Воркуту на новое строительство. Прибыв в край-

ний раз в Сухум уже просто как гость, я пришёл на рынок купить привычный набор продуктов, ну и, естественно, пополнить запас аджики с собой на Крайний Север. В эту встречу, мы с Риммой разговорились немного больше, чем обычно. Я поведал ей, что уезжаю в Воркуту и приеду не скоро, поэтому возьму побольше всего у неё — там это особенно пригодится. Она тяжело вздохнула и как-то тихо сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.